

Современные философские интерпретации концепции устойчивого развития

Н.О. СИРОТКО

В статье рассматривается пять интерпретаций концепции устойчивого развития. Первая – официальная концепция доклада Брундтланд, который оказал огромное влияние на последующую популяризацию термина. Далее рассматриваются попытки экономистов операционализировать определение устойчивости; социально ориентированная концепция; реакция «глубинных» экологов; взгляды теоретиков антиразвития, которые видят в устойчивом развитии идеологическую маску существовавшей и ранее философской идеи развития.

Ключевые слова: биоцентризм, доклад Брундтланд, концепция устойчивого развития, ценности.

Five interpretations of sustainable development are discussed here. The first is that provided in the so-called Brundtland Report, which has had a great deal to do with the subsequent popularity of the term. We then take up, in order, attempts to quantify, or operationalize, the concept of sustainability; social-oriented critique; the reaction of so-called deep ecologists; and the views of anti-development theorists, who see sustainable development as simply an ideological mask for old-fashioned development.

Keywords: biocentrism, Brundtland Report, the concept of sustainable development, values.

В современном глобализованном мире устойчивое развитие является актуальной и многогранной проблемой. Она лежит в сфере интересов многих научных дисциплин, особенно экономических, юридических наук, политологии, экологии, философии.

В данном исследовании рассматриваются основные современные философские интерпретации данного концепта. Первая – основанная на постулатах официальной концепции доклада Брундтланд, который оказал огромное влияние на последующую популяризацию термина. Далее мы рассмотрим попытки экономистов операционализировать определение устойчивости; социально ориентированную перспективу устойчивого развития; реакцию так называемых «глубинных» экологов; взгляды теоретиков антиразвития, которые видят в устойчивом развитии идеологическую маску существовавшей и ранее философской идеи развития.

Устойчивое развитие в докладе Брундтланд (политическая концепция). Именно доклад ООН Международной Комиссии по окружающей среде и развитию, «Наше общее будущее», внес основной вклад в популяризацию термина «устойчивое развитие». Доклад определил это развитие так: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1, с. 51]. В намерении комиссии было создать практическое определение, которое должно привести к изменениям в доступе к ресурсам и в распределении цен и расходов.

В данном понимании многие исследователи усматривают устойчивое развитие как обновленную версию уже существующей идеи развития. Согласно этой концепции, устойчивое развитие предусматривает равновесие между экономическим ростом и состоянием экосистем с целью гарантии обществу высокого качества жизни [1, с. 50]. В деталях это означает указание на необходимость принятия экологических ограничений в производственной деятельности и количестве потребления, чтобы потребление не подрывало основ качества жизни, под которым понимается жизнь в здоровом и естественно эстетичном окружении. Тогда как потребление должно находиться в допустимых границах, с точки зрения ресурсов и разумных стремлений всех жителей земного шара к использованию этих ресурсов. Чтобы достичь этой цели, предлагается коррекция господствующей в современном обществе аксиологической системы в сторону большего уважения ценности качества жизни (измеряемого с помощью таких параметров, как свобода, равенство, труд, согласие между людьми, всеоб-

щий доступ к основным благам, в том числе и природе) за счет ценности жизненного комфорта, измеряемого количеством материального потребления. Предлагается внедрение механизмов, прежде всего рыночных, направленных на экономию ресурсов и энергии, а также на уменьшение количества неиспользуемых отходов.

Важным аспектом Доклада Брундтланд являлось примирение устойчивого развития с перспективами будущих поколений в современных расчетах стоимости экономического развития. Результатом являются следующие выводы: «Жизненные стандарты, которые превосходят основной минимум, устойчивы, только если потребительские стандарты будут рассчитаны на долговременную устойчивость. Но уже сейчас многие из нас живут, превосходя мировые экологические запасы, например наше энергопотребление» [1, с. 52].

Доклад сделал упор на практических стратегиях увеличения экономического роста (в то же время изменяя его условия); удовлетворения основных нужд (еда, вода, энергия, работа, санитария); стратегиях контроля роста населения; устойчивости для увеличения количества основных ресурсов; преобразования технологий и управления рисками, связанных с ними; стратегиях работы концернов на благо окружающей среды, опираясь на экономические расчеты. По итогам доклада оказалось, что эти изменения потребуют больших перемен в экономических, социальных и политических структурах в отдельных государствах и на международном уровне.

В докладе комиссии Брундтланд было также отмечено, что для того, чтобы обеспечить равномерное распределение продуктов экономического роста, необходимо активное политическое участие. Соответственно, в докладе была предпринята попытка продвижения концепции справедливости и гражданского участия.

Две наиболее важные перспективы, представленные в докладе Брундтланд, – это экономическая и экологическая. В среде экономистов существуют разногласия среди групп, которые пытаются использовать лозунг устойчивости для «оживления» старой концепции развития, и групп, которые искренне пытаются включить экологические цели в практическую реализацию политики устойчивого развития. На данном этапе консенсус не найден.

Тем не менее, доклад Брундтланд содержит больше резонных положений, чем подвергающихся критике. По существу, это компромисс между взглядами на развитие во имя мировой экономики и попытками сбалансировать политику развития и защиты окружающей среды. Это нечто большее, чем символическое признание, что удовлетворение нужд населения мира может угрожать любому поддержанию баланса окружающей среды.

Экономическая перспектива устойчивого развития. В целях избегания неясностей в определении устойчивости группа ученых попыталась разработать работающее определение, или систему измеримых показателей.

Задача конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) состояла в выработке подходов для операционализации концепции устойчивого развития. Ввиду многочисленных компромиссных формулировок и неопределенностей в документах конференции попытки операционализировать устойчивость на глобальном уровне не увенчались успехом. Защита окружающей среды (как и в докладе Брундтланд) оставалась второстепенной задачей, после развития экономических перспектив. Согласно данной концепции, смысл устойчивого развития был сведен к тому, как поддерживать экономические функции окружающей среды ради будущих поколений, а не к тому, как поддержать саму окружающую среду, т. е. при сопоставлении экономических и экологических целей экономические задачи становились первоочередными.

С точки зрения экономистов, задача сводится к решению вопроса о том, сколько позволительно расходовать природных ресурсов (возобновляемых, невозобновляемых) и в каком соотношении «природный капитал» может замещаться искусственным капиталом, чтобы экономика могла эффективно удовлетворять потребности сменяющихся поколений. Наиболее экологически ангажированные версии концепции устойчивого развития («строгая» устойчивость, «пессимисты») требуют строгого сохранения – неуменьшения запаса природного (естественного) капитала. Очевидно, что потребление любого количества невозобновляемых истощимых ресурсов оставит будущим поколениям меньшее их количество. Подвер-

гает ли это опасности их способность достичь своих целей? Согласно Р. Солоу, нет, не подвергает при условии, что нынешнее поколение обеспечивает достаточный объем искусственного капитала для восполнения капитала естественного, и, таким образом, общий объем капитала не уменьшается [2, с. 163]. Наименее экологически ангажированные версии («нестрогая» устойчивость, «оптимисты») позволяют полное замещение природных ресурсов в рамках всего агрегированного обществом капитала – требование неуменьшения суммы естественного и искусственного капиталов. Экономисты, придерживающиеся данной концепции, аргументируют: «Вырубание лесов с целью возрастания экспортных доходов согласуется с устойчивым развитием». Но при этом добавляют: «Только если вся или части выручки инвестируются в другие экспортные заработки или деятельность по уменьшению импорта с целью поддержать благосостояние будущих поколений» [3, с. 14]. Эти исследователи подводят данные доводы к одной цели: главная идея данного определения – это устойчивость.

Большинство экономистов считают подход с точки зрения «нестрогой» устойчивости более разумным, чем таковой на основе устойчивости «строгой». Напротив, многие экологи и некоторые экономисты окружающей среды являются сторонниками «строгой» устойчивости (например, Г. Дэйли, Д. Пирс). Возражения против «нестрогой» устойчивости обычно основаны на неадекватном понимании соответствующей концепции сохранения совокупного капитала неуменьшенным.

Главная идея экономической перспективы устойчивого развития – рост благосостояния и в то же время увеличение результативности использования ресурсов, или уменьшение нагрузки на окружающую среду через ограничение использования естественных ресурсов.

На первый взгляд может показаться, что экономисты, предложившие данную интерпретацию, – позитивисты: они хотят свести сложность процессов устойчивого развития к математической простоте. Ученые настаивают на операционализации определения, что является пробной попыткой методологии раннего позитивизма. Однако это слишком поспешные выводы; различные школы философов, ученых, экономистов в частности настаивают на работающих определениях в различных целях.

Антагонизм концепций устойчивости и экономического роста, входящих в концепцию устойчивого развития, предопределяет неизбежный компромисс в пользу одной из них при операционализации концепции устойчивого развития.

Социально ориентированная перспектива устойчивого развития. Определение Брундтланд вошло в употребление в ситуации отсутствия согласия относительно концепции устойчивого развития, которая почти для каждого является желательной. Однако, как считают представители данной интерпретации концепции (М.Р. Рэдклифт), простота этого понимания обманчива и заслоняет сложность проблематики.

Политики, выступающие от имени третьего мира, указывают на приоритет нужд бедности и бедных стран, что и зафиксировано в докладе Брундтланд. Как утверждает М.Р. Рэдклифт, «до тех пор, пока бедные люди вовлечены в удовлетворение своих стремлений» [4, с. 35], развитие никогда не будет соответствующе устойчивым. Согласно докладу, «решающий приоритет должен быть отдан концепции “нужды”, в частности насущным нуждам мировой бедноты» [1, с. 51].

М. Рэдклифт делает этот акцент, критикуя как традиционную теорию развития, так и ортодоксальный марксизм. Ученый также отвергает устойчивость при неправильном употреблении концепции: «Постоянная ссылка на “устойчивость” как желательную цель иногда служит затушевыванию противоречий, которые “развитие” вносит в окружающую среду» [4, с. 2].

Согласно М. Рэдклифту, необходим исторический анализ отношений между развитием и окружающей средой. И только анализ, говорит он, обнаружит ограничения тех подходов, которые показывают развитие исключительно с точки зрения экономического роста. Культуры, не сталкивавшиеся с этой концепцией (в пример он приводит доколумбовскую Америку), понимали устойчивое развитие совсем иначе. Исторический анализ показывает, что международные контакты имеют почти всегда значение экспорта капитала и природных ресурсов – часто в убыток местным трудящимся. Согласно М. Рэдклифту, это закономерный

«исторический процесс, который связывает эксплуатацию ресурсов наиболее развитыми странами со странами Юга». Данный политико-экономический подход предполагает, что «результат экономических усилий связан с поведением общественных классов и роли государства» в необходимости эксплуатации ресурсов [4, с. 3].

Подход к устойчивому развитию М. Рэдклифта заключается в том, что современные направления развития нельзя осуществлять, оставляя без внимания недопустимый уровень ущерба окружающей среде. В развивающихся странах, согласно М. Рэдклифту, развитие всегда присутствует в контексте международной экономики. Даже глобальная экономика игнорирует самые очевидные различия в природной реальности развитых и развивающихся стран. В развивающихся странах действительно устойчивое развитие предполагает, что экономическая производительность может поддерживаться перед лицом системных сбоев, и рост численности населения – особенно насущные нужды растущего населения – должен быть принят во внимание. Каждая из стран делает устойчивость причиной борьбы за политическую власть. «Выбор устойчивого развития может быть достигнут только через политические изменения на местном, национальном международном уровнях» [4, с. 36].

Как справедливо отмечает исследователь, в определении доклада Брундтланд есть неточности и противоречивые тенденции. Из критики, появившейся позднее, справедливо следует, что, согласно Докладу Брундтланд, решающее значение, приоритет основных потребностей должен быть отдан нуждам мировой бедности, а не защите окружающей среды.

Бедность и охрана окружающей среды являются несовместимыми в соответствии с принятой в докладе Комиссии Брундтланд перспективой, потому что экономическое неравенство приведет к перерасходу ресурсов, а в более бедных странах для удовлетворения основных человеческих потребностей необходим экономический рост. То, что основные потребности неимущих людей не удовлетворяются, заставляет их удовлетворять свои нужды такими методами, которые могут привести к разрушению окружающей среды, например, в некоторых местах использование леса в качестве топлива приводит к опустыниванию; бедные люди живут в непригодных для жилья помещениях, которые часто лишены удобств, в антисанитарных условиях, небезопасных для всего общества. Необходимо переносить акцент с промышленного роста на удовлетворение нужд мирового большинства; больше внимания уделять проблеме возобновляемых энергоресурсов; природные ресурсы необходимо перенаправить с гонки вооружений на защиту и развитие сельскохозяйственной и биологической систем.

Ученый приходит к выводу: устойчивое развитие, если оно не лишено аналитического содержания, означает больше, чем поиски компромисса между экологией и экономическим ростом. Это означает определение развития, которое признает, что пределы устойчивости имеют не только структурное, но и природное происхождение [4, с. 199].

Этика окружающей среды и устойчивое развитие. Основной постулат данного понимания устойчивого развития – это приоритет состояния экологии над экономическим ростом и качеством жизни, под которым понимаются категории материального комфорта. Это означает, что в случае конфликта экономических, социальных и экологических целей в первую очередь разрешается вопрос состояния экосистем. Такой подход обусловлен признанием экономики подсистемой экосистем.

Обратим внимание на позиции некоторых авторов, которые считают защиту окружающей среды наиболее важным аспектом устойчивости. Согласно рассуждениям Стэнли Капентера, доклад Брундтланд пытается примирить две непримиримые цели. Одна цель – это восстановить экономический рост (по крайней мере, частично удовлетворить нужды мировой бедности); вторая – избежать деградации окружающей среды. Капентер считает необоснованным то, что главная теория, на которой основывается доклад Брундтланд в достижении этих целей, – это теория неопределенного роста; она несовместима с целью жизни в границах природных пределов, а от нее никогда категорически не откажется Международная комиссия по окружающей среде и развитию [5, с. 481].

С. Капентер говорит о следующих положениях. С одной стороны, индустриализированный мир занимается технологической практикой, производящей богатство и комфорт для

20% мирового населения, тогда как получает редукацию капитала на земном шаре. В то же самое время оставшиеся 80% населения принуждены к отказу от практически устойчивого сельского хозяйства для получения денег, и это сопровождается разрушением хрупких экосистем. Колониализм первичной эксплуатации ресурсов, налагаемый на менее развитые страны индустриализированными странами, таким образом, распространяет неустойчивые результаты по всему миру [5, с. 485].

Это, считает С. Капентер, отражает проблему последних нескольких десятилетий. Но, аргументирует он, в настоящее время растет осведомленность о новых масштабах влияния результатов деятельности людей на геологические и биологические системы планеты. Так как влияние антропогенного фактора сейчас находится в планетарных масштабах, то область дискуссий об устойчивости расширяется. Это создает благоразумные основания для формирования у человечества осознания необходимости устойчивого развития [5, с. 485].

Многие из трудов С. Капентера посвящены критике доклада Брундтланд за не очень приемлемое отделение от неоклассической экономической теории: «Связь экономики и экологии, – говорит он, – увековечивает неустойчивые системы». И он особенно скептичен по отношению к предположению устойчивости тех ученых, которые пытаются операционализировать определение устойчивости доклада Брундтланд. Согласно С. Капентеру, «технологии, узаконенные существующими экономическими моделями (включая якобы устойчивые модели), не только не совместимы с заботой об окружающей среде, но и неблагоприятны для нее» [5, с. 487].

Важным во взглядах С. Капентера является понятие автопоэзиса. Он определяет автопоэзис как процесс, посредством чего живые организмы воспроизводятся из постоянно восстанавливаемой окружающей среды и реорганизуют сами себя. С. Капентер утверждает, что именно этот процесс обязательно входит в противоречие с требованием бесконечного роста, взятого за основу почти всеми современными экономическими моделями.

В этом же ключе Вандана Шива, широко известный в мире эколог и лидер движения за охрану окружающей среды, директор независимого Фонда исследований науки, технологий и природно-ресурсной политики (Дели), выступает за биоцентричный подход, в котором человеческая жизнь – это лишь часть целостной системы жизни. Она провозглашает «древнюю идею об отношениях между людьми и природой: земля вознаграждает людей, которым, в свою очередь, необходимо приложить усилия для того, чтобы воспользоваться ее щедростью» [6]. В. Шива также скептична по отношению к современным экономическим моделям, включая те, которые предполагают, что устойчивость может быть поддержана заменой ресурсов. Она цитирует Роберта Солоу: «Если очень легко заменить другими факторами природные ресурсы, то в принципе, это не проблема. Действительно, мир может развиваться далее без природных ресурсов, так что их извлечение – это обыкновенное событие, не катастрофа» [6]. На что В. Шива отвечает: «Это отсылает нас к поддержанию не природы, а самого развития. Устойчивость в этом контексте не включает признание пределов природы и необходимость придерживаться их» [6]. В заключение В. Шива отмечает: «Устойчивость в природе подразумевает поддержание целостности природных процессов, циклов и ритмов» [6].

Ни С. Капентер, ни В. Шива не выступают против развития, если оно не означает возвращение обратно к мировой проблеме бедности; они лишь настаивают, что развитие в нормальном понимании – даже для тех, кто выступает за устойчивость – закончится катастрофой одинаково для богатых и бедных, если мы не научимся жить в границах, установленных «природой» В. Шивы и «автопоэзиса» С. Капентера.

Данная философия устойчивого развития предпочитает стратегию ограничений (отказа, экологической аскезы). Сохранение динамического равновесия экосистем, трактованное как неперемное условие, считается первичной задачей экономической деятельности. В данном понимании концепция устойчивого развития эволюционирует в направлении видения новой общественно-экономической, экосоциальной модели развития.

Радикальная философская критика устойчивого развития (культурная критика). Данное понимание концепта основано на критических комментариях Вольфганга Сачса,

Густаво Эстеви и других авторов по отношению к устойчивому развитию. В. Сачс говорит о развитии следующим образом: устойчивое или нет, оно как «устарелый памятник в нескромную эру» [7], пришло время демонтировать эту ментальную структуру. Согласно В. Сачсу, биологическая метафора эволюции природы стала экономической метафорой – развитие – и затем императивом для всего человеческого вида. Результат – это обращение людей, всех обществ и природы непосредственно в ресурсы для экономического развития. Но, отмечает автор, «маркирование вещей в качестве ресурсов снимает все то уникальное, что они имеют, и открывает их для вмешательства извне. Рассматривая воду, почвы, животных с точки зрения ресурсов, люди делают их объектами для управления и ценообразования» [7].

В. Сачс считает понятие устойчивости утопией. Данный термин только лишь служит оживлению традиционной философской идеи развития, дает ей новую лицензию на жизнь, пытаясь направить ее на окружающую среду. Он допускает, что сторонники «экоразвития» в некотором смысле отличаются от традиционных приверженцев развития – в их допущениях более очевидно, что существуют природные лимиты производства. Тем не менее, «их связывает со взглядами мировых экономистов невозможность оценить культурные рамки господствующего производства, культурные рамки, которые делают менее важным производство и, следовательно, также уменьшают давление на окружающую среду» [7].

Исходное понятие в концепции В. Сачса – это понятие культуры; согласно его мнению, «развитие всегда предполагает взгляд на другие миры с точки зрения того, чего они не имеют, и препятствует разнообразию местных возможностей» [7].

Для В. Сачса позиция критики развития – это не артефакт; скорее пропаганда развития – даже устойчивого развития – означает стать жертвой реакционного мифа. В мире существуют многочисленные и разные культуры и, в частности, неразвитый мир, который может предложить нам надежду. Нам необходимо, утверждает Сачс, приложить «усилия в предоставлении широкого спектра шансов, открытых для обществ с ограниченным уровнем материального производства, чтобы сохранить все достижения, появившиеся благодаря их культурному наследию» [7]. Это устойчивость такого типа, о котором экономисты никогда и подумать не могли.

Вольфганг Сачс справедливо говорит о том, что мы не должны никогда забывать, что история развития повлекла за собой трагические последствия в странах третьего мира. Трагедия, прежде всего, повлияла на культурные ценности людей, которых экономические империалисты заставили принять модель развития, хотели они того или нет. Коренное население повсеместно принуждалось к труду и зачастую гибло в результате. Плоды этих трудов не оставались в странах третьего мира, а вывозились в развитые страны. С данной точки зрения культурная критика соглашается с марксистами и остальными радикалами. Но, согласно утверждениям культурной критики, материальные, физические, экономические лишения и принуждения бледнеют по сравнению с утраченными духовными ценностями коренных народов, принужденных сдать, обманутых мифом развития.

Культурная критика предполагает выразительный контраст между современной и архаичной системой ценностей. Представляется, что досовременные, таинственные, мистические, метафизические системы являются более ценными, особенно с точки зрения истинной, долгосрочной устойчивости природного мира, в том числе и места человечества в нем.

Анализируемые интерпретации концепции устойчивого развития имеют свои философские основания. В философские основания устойчивого развития входят онтологические, антропологические, аксиологические, историософские аспекты. Именно они по-иному конкретизируют существенные для интерпретации устойчивого развития вопросы такие, как: подход к отношениям человека и природы, понимание места человека в мире, способ представления человека и человеческих сообществ, граница между справедливостью внутри поколений и между поколениями, разница между развитием и ростом. В совокупности они создают философию устойчивого развития с помощью проводимых учеными исследований и созданных ими концепций.

Существование различных подходов к проблеме устойчивого развития основано на серьезном расхождении в понимании того, что мы называем «ценностью». Для технократа ценность имеет лишь то, что можно построить и эксплуатировать, то, из чего можно извлекать выгоду, пользу, прибыль. Понятие «жизнь природы», например, бессмысленно для технократа, в то время как экологу оно напоминает о сакральной ценности природы.

Литература

1. Наше общее будущее : Докл. Междунар. комис. по окружающей среде и развитию (МКОСР) ; пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета ; предисл. Г.Х. Брундтланд. – М. : Прогресс, 1989. – 371 с.
2. Solow, R.M. An almost practical step toward sustainability / R.M. Solow // Resources Policy. – 1993. – № 19. – P. 162–172.
3. Bolo, J. Environment and Development An Economic Approach / J. Bolo, K. Maler, L. Unemo. – Dordrecht : Kluwer, 1990. – 246 p.
4. Redclift, M.R. Sustainable Development: Exploring the Contradictions / M.R. Redclift. – London : Methuen, 1987. – 367 p.
5. Carpenter, S.R. Inventing Sustainable Technologies / S.R. Carpenter // Pitt J. The Technology of Discovery and the Discovery of Technology: Proceedings of the Sixth International Conference of the Society for Philosophy and Technology. – Blacksburg : Society for Philosophy and Technology, 1991. – P. 481–492.
6. Shiva, V. Poverty and Globalisation / V. Shiva // BBC Reith Lecture Series [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.mindfully.org/WTO/Poverty-Globalisation-Shiva14may00.htm>. – Date of access : 13.05.2009.
7. Sachs, W. Sustainable development vs economic growth / W. Sachs // Development [Electronic resource]. – Mode of access : http://development.thinkaboutit.eu/think3/post/wolfgang_sachs_sustainable_development_vs_economic_growth. – Date of access : 04.01.2009.